

— Медленнее, — приказал строгий мужской голос.

Только после этого руки наклонили стакан настолько, что вода смочила губы Саши. Она следовала инструкциям, как священному писанию. Но если бы они исходили из этих рук, то вполне могли бы ими быть... Даже струйка прохладной воды была для Саши как потоп в пересохшем горле. Но она пила медленно. По мере того как она пила, остатки реальности проникали в ее сознание.

Саша почти с удивлением обнаружила, что эти руки кому-то принадлежат. Но это ощущение быстро прошло. Конечно, они кому-то принадлежали. Они принадлежали ее спасителю. Кем бы они ни были... Он был... Медленно глаза Саши адаптировались и сфокусировались в темноте. Прежде всего она нашла руки. Они были из плоти, большие, сильные и такие же совершенные, какими Саша их знала. И только потом она проследила, как они поднимаются вверх по пуповинным предплечьям к закатанным рукавам и далее к остальным частям своего спасителя.

В темноте спаситель Саши словно светился. Она запомнила все. Широкие плечи под мерцающей курткой со светоотражающими элементами. Незапятнанная бледная кожа на шее. Сильная, острая и чисто выбритая челюсть. Полные губы, сложенные в естественную мрачную линию. Прямой нос, пронзительные голубые глаза и беспорядочная копна золотисто-русых волос. Это было суровое, серьезное и трезвое лицо, совершенно не склонное к смеху и радости. В этот момент Саша хотела лишь одного — заставить своего спасителя улыбнуться.

— Как... Как... Тебя зовут...? — спросила Саша. Ее голос все еще оставался слабым, скрипучим, отчего она была взволнована и почти убита.

Внезапный взгляд его глаз на ее вопрос заставил Сашу с горечью вспомнить о своем спасителе:

— ...Когда-то у меня было другое имя. Теперь оно потеряно для меня. Теперь... Теперь я зовусь Атом.

— Спасибо... тебе, Атом. Ты спас меня... Ты оказался моей единственной... Надеждой...

По какой-то причине ее благодарность вызвала на лице Атома небольшую улыбку. Он скорее сморщил глаза, чем выпятил губы. И все же... Саша никогда не видела ничего более совершенного, чем это крошечное изменение выражения. В данный момент ей хотелось смотреть на это снова и снова, пока она наконец-то не укусит свою плоскую линию. Спаситель Саши... Атом... По ее мнению, заслуживал не меньше, чем вся галактика. Она была бы проклята и обречена, если бы не помогла ему получить ее. К тому же... только подумайте, какие вечеринки они могли бы устроить, имея под рукой целую галактику~!

Так что Саша поклялась, что если Атом не будет часто улыбаться, то Саша просто обязана быть достаточно яркой для них обоих.

[От лица Атома]

Я продержался всего два дня в далекой-далекой Галактике, прежде чем меня заставили убить. Это была самооборона, но я мог убежать. Технически. Но не собирался. Мне нелегко бежать. Ни до, ни после того, как меня засунули в невозможную и буквально запредельную ситуацию. Проблема была прямо передо мной. И я воспользовался шансом решить ее напрямую. Так получилось, что это прямое действие повлекло за собой смерть разумного, мыслящего существа.

Пусть так. Я не жалел о своих действиях. Ни в малейшей степени. Жизнь прекратилась, но моя продолжалась. Обмен был более чем справедливым. Надо полагать, что нападавший сожалел бы об обратном исходе так же, как и я. То есть они бы нисколько не жалели о моей смерти. Только не в той дыре, в которой я сейчас оказался.

Они не заслуживали ни жалости, ни сожаления. Нападавший пытался напасть на меня, когда я был в самом слабом положении. Моей слабости было достаточно, чтобы сразить их. Это был грязный, чумазный, уродливый инопланетный ублюдок. Мужчина... кажется... Его кожа была как кожа. Потрепанная грива шипов обрамляла его лицо. Позже я узнал, что он был «Никем». Что бы это ни было...

В то время я знал только то, что Никто увидел человека, пытающегося выжить в суровых городских условиях, и решил нажиться на этой борьбе. Это было еще до того, как я хоть как-то утвердился в своей позиции. Ночь перед нападением я провел в сточной канаве. Я не был настроен на прощение. Поэтому, когда гребанный раб попытался меня прижать, я его прикончил.

Он был не больше меня. Но он был лучше оснащен. Не то чтобы это о многом говорило, когда на мне была только одежда. Он думал, что я стану легкой добычей. Ему следовало выбрать более подходящее место для прыжка. Такое, где было бы меньше... Подручных средств. Осколок стекла перерезал его кожаное горло от уха до уха. Он даже не смог захлебнуться собственной кровью, когда я покончил с ним.

Какая-то часть меня благодарила его. Мое начало было бы более трудным, если бы не добыча, которую я снял с его еще теплого трупа. Еще одна пара одежды - подержанная, но функциональная. Блочный, плохо обслуживаемый пистолет какого-то вида. И самое главное - персональный компьютер. Его смерть послужила мне лучше, чем он мог бы послужить самому

себе. Не в последнюю очередь потому, что она позволила мне понять, где я, черт возьми, нахожусь.

Меня забрали - украли - с вершины моей жизни. 19. Целого и здорового. Решительный. И накануне моего величайшего достижения: победы, значение которой я уже не помнил. Ее у меня вырвали. Так же, как имена и лица тех, с кем я праздновал. Остались лишь тонкие нити контекста. Партнер, который был со мной до конца, соперники, которых я разбил, обширная сеть влияния, поддержка и о-о-очень много денег, выигранных в тяжелой кампании, и сила, чтобы наконец-то сделать что-то свое.

А потом, как только объявили о моей победе... я оказался в другом месте. Спокойная, праздничная выпивка с моим партнером исчезла, как пыль на ветру. Хорошее настроение сменилось грязью и городским упадком. Свет погас, и я оказался в тени высоких стен и казавшихся бесконечными пропастью по обе стороны от них. В одно мгновение я был сорван с вершины своей жизни и опущен на неизвестное дно.

При этом у меня отняли ядро моей памяти. Контекст большей части моей жизни был потерян при переходе. Имена, лица, места, отношения... Не было пощажено даже мое собственное имя. Все, что могло привязать меня к месту, превратилось в пепел. Остались лишь бесцельные, безликие, почти бессмысленные воспоминания.

Убедившись в своей новой реальности... Я был в ярости. В ярости. Абсолютно аплексическим. И мне не на что было направить эту ярость. Не было никакой руки Бога. Не было смерти и возрождения. Только хладнокровное, всемогущее воровство. И преследующая жизнь близких воспоминаний.

<http://tl.rulate.ru/book/124832/5256690>